

КАТИ БЕЯЗ

МЕМУАРЫ

ВЕДЬМЫ

1

Мемуары Ведьмы

Кати Беяз

Мемуары Ведьмы

«Автор»

2019

Кати Беяз

Мемуары Ведьмы / Кати Беяз — «Автор», 2019 — (Мемуары Ведьмы)

ISBN 978-5-532-98029-7

Кира — обычная деревенская девочка. По крайней мере, она всегда так считала. Однако с самого рождения у Кире есть предназначение и особенный путь. Она — потомственная ведьма, внучка сильнейшей во всей Сибири ведуньи. И, как оказалось, обучение у именитой знахарки отнюдь не развлечение. Дом бабы Вали никогда не бывает пустым. Каждый в округе знает ее и приходит за помощью. Так, в неполных десять лет Кире предстоит разгадать тайну утопленницы с болот, плечом к плечу с бабушкой отправить демона в ад, отнести в соседнюю деревню подброшенный черной ведьмой пирог и узнать давнюю историю их вражды. И все бы ничего, только вот на одном перекрестке близ леса есть скрытое от посторонних глаз колдовское кладбище. Там, на одной из могил давно умерший колдун решает себя воскресить. Как справится со страхом Кира, и что предпримет ее всезнающая бабушка? Мудрая ведунья не только подвергает девочку испытаниям, но и учит тайным знаниям.

ISBN 978-5-532-98029-7

© Кати Беяз, 2019

© Автор, 2019

Содержание

Введение	5
Утопленница	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Бес из леса	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Кати Беяз

Мемуары Ведьмы

Введение

Представь, что ты лежишь на зелёном поле молодых побегов и рассматриваешь кучевые облака, скопившиеся над лесом. Вдруг к тебе приходит способность увидеть поле таким, какое оно есть, без скрытых тайн – так, как его видят ведьмы. Ты закрываешь глаза и поднимаешься в воздух, переворачиваешься и смотришь вниз; видишь сверху себя, беззаботно лежащую на траве. Ты смотришь сначала на поле и в ту же секунду видишь каждую травинку, каждую землишку по отдельности. Под каждым камнем, около каждого корешка кишит жизнь, не особо приятная тебе – от микроскопических тварей до муравьёв, от сороконожек до различного вида жучков и паучков. Чуть глубже есть змеи, несчитанное количество личинок мух и других насекомых. Это поле напитано жизнью, словно мокрая губка напитана водой. Ты делишь это пространство с миллиардом видов других жителей, о которых предпочитаешь не знать. Рассмотрев внимательно поле, ты теперь смотришь на себя таким же магическим зрением; и так же видишь нескончаемое множество различной жизни внутри своего тела и на его поверхности – от бактерий и микробов до микроскопических паразитов. Они живут своей жизнью, даже не посоветовавшись и не спросив твоего разрешения. Ты тоже об этом знаешь, но предпочитаешь не знать. Так и люди, впечатлённые обилием подробностей нашего мира, который они способны видеть по-другому при помощи магии, решили всё забыть и не видеть. Ведьмы стали редкостью, магическое видение стало тайной, и не потому что это является тем, что человек не познал.

Магия является тем, что человек отказался помнить.

Утопленница

Глава 1

Я выросла в деревне, чему несказанно рада. Только в деревне получают хорошие ведьмы с исконными знаниями в нужной среде.

Мы вышли из дома далеко за полночь. Бабушка взяла фонарик, а мне вручила самодельную чёрную свечу со спичками. На улице было очень приятно, здесь трещала саранча и ярко светила луна. В её свете хорошо различалось поросшее поле, которое переливалось словно гладь озера от любого дуновения ветра, и песчаная дорога вдоль него. На горизонте виднелась черда чёрного леса, словно стена какого-то загадочного старинного замка. Я посмотрела на небо и застыла в изумлении. В такие часы на его чёрном полотне разлились сиреневая и бледно-жёлтая туманности, в которых, словно в рыболовных сетях, запутались миллиарды звёзд.

Я любила темноту, мне не было страшно находиться в ней ни дома, ни на улице. Она укутывала меня, и я, словно кошка, чувствовала себя более защищённой. Я не могла толком объяснить тогда эту чистоту воздуха, когда всё вокруг засыпало; но для меня время с полуночи до предзакатных часов было таким, словно кто-то наконец выключил телевизор, по которому давно закончились все передачи и просто шли помехи. Так вот, когда такой телевизор выключают, начинается тишина – та самая, что так приятно успокаивает слух. Будто воздух становится чище без человеческой суеты, пустых мыслей и шумных разговоров. Без электрического света, без всего того, что вечно отвлекает внимание, переключая нас с чего-то важного на бессмысленное.

Мы вошли в густой смешанный лес, где завораживающе блестели и звучно шелестели огромные кроны деревьев, словно приветствовали в своём царстве.

Бабушка хвалила меня за такие ощущения от ночи.

– Только ночью можно увидеть свечение предметов, – говорила она. – Человек, сам того не ведая, наделяет неживые предметы жизнью, когда испытывает сильные эмоции.

– И как же он их наделяет? – недоверчиво спросила я.

– Любой человек – это мощный источник энергии, которую он выплёскивает своими необузданными эмоциями вокруг на окружающие его, по сути, неживые предметы. Зачастую сами предметы, сильно напитавшись человеческой энергией, становятся в каком-то смысле живыми. Да и у тебя бывало, что в ожидании любимого фильма по телевизору или песни по радио аппаратура вдруг начинала работать с помехами. Чувствительные телевизионные и радиоантенны, соприкасались с твоими эмоциональными выплесками и просто-напросто переставали ловить чистые сигналы. А тебе казалось, что весь мир против, когда ты сама была себе помехой, – подытожила бабушка столь красочным для подростка примером.

Она читала мои мысли! Да, такое случалось и не раз. Я очень злилась, ведь для меня телевидение было поистине целая жизнь! Но, откровенно говоря, тогда мне показались её слова лекцией по радиоэлектронике и сомнительными идеями о невидимых энергиях. Вне зависимости от того, верю я ей или нет, бабушка неустанно учила меня контролировать свои эмоции и направлять энергию в нужное русло, а не засорять ею пространство. Последнее на тот момент у меня получалось гораздо лучше.

Конечно же, по её мнению, растения тоже обладали животворящей силой, особенно этой силой славились лесные деревья. Их энергия, по её словам, сильно отличалась от энергии садовых деревьев и тем более от человеческой. Она имела салатово-жёлтый цвет, и если бы человек мог её видеть, то деревья бы в ночном лесу светились словно фосфорные.

– Лес балансирует нас, он необыкновенно полезен, – с особой важностью в голосе вновь подчеркнула ведунья. А потом я в нескончаемый раз слышала от неё сожаления, что человек не

способен ни увидеть, ни познать всю её значимость. Но без доказательств всё воспринималось так, словно меня заставляют выучить наизусть стихотворение, смысл которого мне совершенно неясен. Часто ответно моё подростковое «всезнание» препятствовало подобному заучиванию и подавало голос.

– А ты её видишь? – спросила я. – Здесь и сейчас видишь?

– Да, если прищурить глаза, то вижу, – спокойно ответила бабушка и наигранно сощурилась.

– Но если только ты её видишь, а все остальные нет, как же ты можешь наверняка знать, что она существует? – не то чтобы с ноткой, а, пожалуй, с целой гаммой недоверия спросила я.

– Летучая мышь почти слепа – она пускает сигнал и получает его обратно, когда тот отразился от препятствия и преобразился. Для летучей мыши это норма жизни. Возможно, она сильно растеряется, если потеряет этот навык и обретёт острое зрение. Но если она не потеряет своё природное умение, а к нему обретёт острое зрение, то начнёт описывать окружающий мир несколько иначе. С того момента для неё самый этот мир станет яснее, когда для других летучих мышей её слова о мире станут более туманными, – спокойно пояснила она.

Я автоматически прищурила глаза и посмотрела на величественные стволы деревьев и богатую крону, чернеющую на фоне ещё более чёрного неба. Конечно, я не увидела никакого свечения, но пример мне показался довольно убедительным.

Около озера повеяло прохладой, и некоторые сорта рано пожелтевших деревьев красочно сообщили, что уже через месяц начнётся настоящая осень. Как только мы подошли к краю воды, бабушка осмотрела местность и показала жестом не шуметь. Я опустилась на корточки и стала пристально рассматривать озеро.

В деревне стали поговаривать, что рыбаки ещё до восхода солнца видят призрак девушки в определённом месте. У нас в округе утонула одна особа. Говорили, она была влюблена в красивого молодого человека, который оказался ловеласом. Он настойчиво ухаживал за ней, но когда добился взаимности, резко переключился на другую. Несчастливая долгое время тяжело переживала предательство, почти ни с кем не разговаривала и не выходила из дома. А когда её суженый связал себя законным браком с новой пассией, сердце девушки не выдержало. Рано утром она пришла сюда купаться, и после этого живой её уже никто не видел.

Однако, по прошествии сорока дней после похорон люди начали видеть девушку сгустком тумана на водной глади. Белый силуэт напоминал хрупкую фигуру в ночной рубашке, что медленно передвигался со стелящейся предрассветной дымкой. Другие слышали тихую песню тонким женским голосом. Рыбакам никогда не удавалось обнаружить направление, откуда мог доноситься звук, но им всегда казалось, что тихая песня окутывает их; девичий голос слышен практически отовсюду. Они описывали это так: бывало звук равномерно окружал лодку либо же звучал выборочно в ушах одного из рыбаков.

Это были первые описания присутствия призрака на озере. Позже из них родились другие истории, более похожие на деревенские выдумки о том, как призрак хватал рыбаков за шиворот и тянул прочь из лодки прямо посреди озера. Особенные фантазёры приукрашали события бездонными чёрными впадинами вместо глаз на прозрачном, смертельно белом лице. Были повествования об обнаружении мокрых следов босых женских ног в лодке с кусками грязи и обрывками тины.

Мои мысли в напряжённом наблюдении за озером прервало жужжание прямо над левым ухом. Я откинулась вправо, дабы не заполучить укус от явно большого летающего насекомого, когда вдруг увидела, что жужжание издаёт моя собственная бабуля. Поднеся деревянную прищепку с какой-то леской ко рту и зажимая зубами одну её часть, она издавала абсолютно правдоподобный из звуков. Я усмехнулась и шёпотом спросила:

– Зачем это? Чтобы призрак принял нас за пару шмелей?

– Для настройки нашего мозга, – не замечая подколок, ответила она, – чтобы мы могли применить другое зрение, подобно летучей мыши, помнишь?

Во мне родился стыд за глупую насмешку и, сосредоточившись, я снова продолжила наблюдение, но, по правде сказать, уже в более расслабленном состоянии. Звук увесистого шмеля и в самом деле расслаблял, но, кажется, исключительно сознание. Мои ноги и руки онемели, а шея даже налилась свинцом. Голова ощущалась тяжелее обычного, как и веки, которые то и дело норовили опуститься.

Мне стало невмоготу сидеть и захотелось прилечь, как вдруг я увидела странное скопление тумана на поверхности воды. Он собирался в сгустки, которые, казалось, движутся быстрее общего потока. Затем один из них стал удлиняться и вскоре превратился в различимый женский силуэт.

Он скользил по воде, ища кого-то на противоположном берегу. Утопленница осмотрела берег, а после принялась медленно поворачиваться в нашу сторону, и тут я увидела её лик. Это было ничто иное, как мертвецки белое лицо с чёрными дырками вместо глаз и разинутого рта. От зрелища я перестала дышать. Лишь только стук моего сердца нарастал, пока не стал сотрясать все мое тело. Я попыталась взять себя в руки и проанализировать ситуацию.

«Зачем мне бояться этого тумана, напоминающего женщину и устрашающее лицо? Это всего лишь туман... Туман и моё воображение».

Но мозг отказывался это понимать. То, что видели сейчас мои глаза, не поддавалось никакой логике и никакому анализу. Мне стало жарко, резко бросило в пот, трепет в утробе неминуемо нарастал. Ещё больше страха нагоняла мысль, что это жуткое лицо ищет кого-то; и, стало быть, вскоре найдет, если я не перестану так сильно дрожать. В это мгновение что-то во мне переключилось из сознательного в бессознательное. Первобытный страх победил. Я вкочила на ноги и ринулась бежать – прочь от призрака, от бабушки, от озера предположительно в сторону дома.

Ведунья оторопела. Не понимая моих действий, она осмотрелась по сторонам и уже в следующее мгновение помчалась за мной. Нагнав в лесу, она остановила меня и прижала к дереву. Ничего не понимая, я уловила лишь её спешный шёпот:

– Если призрак нас увидит, то... – бабушка задыхалась от быстрого бега, – то пойдет за нами. Ни в коем случае нельзя показывать призраку путь, так как души зачастую не знают дорогу домой, умерев вдаль, – договорила она и потянула меня вниз, к основанию дерева.

Мы сидели на корточках, облокотившись о широкую сосну.

– Закрой глаза, коли боишься, – вкрадчиво заговорила она.

Я захлопнула веки, но с закрытыми глазами страх не только не исчез, а, кажется, многократно усилился. Вдруг по моей шее проскользнуло что-то мокрое и мертвецки холодное. Это могла быть сколопендра или змея, но отчего-то я точно знала, что это она... Утопленница! Ледяное прикосновение повторилось. О да, это была рука – нежная, женская, холодная и мокрая, как ночное озеро. Я чувствовала, как вода стекает тонкими струями по моей вспотевшей спине. Как она ледяными каплями, словно тонкими бритвами, режет мою кожу, вздымает волосы на затылке. Такого прикосновения я никогда не чувствовала.

Забыв предупреждения и указания, я вскочила на онемевшие от страха ноги и принялась бежать. Впрочем, ноги бежали сами. Без моего ведома. Даже цепкая хватка бабули была не в силах меня удержать.

Приветливый ранее лес отныне казался угрожающим. Высокие деревья, словно стражи, молча наблюдали за мной; огромная луна, светящая как прожектор, теперь не озаряла путь, а чётко указывала местоположение летящему за мной призраку. Бежать по ночному лесу было страшно, однако в разы страшнее было оставаться на месте.

Толком не помня, как добралась до деревни, я, наконец, увидела такой знакомый и родной силуэт нашего дома. Я отворила калитку, взбежала по ступеням и принялась колотить в дверь, боясь даже украдкой посмотреть назад.

Мне открыл сонный дедушка. Я влетела в дом и быстро захлопнула за собой дверь. Страх не прошёл, но приглушился. Теперь мне стало страшно за бабушку. Я подлетела к окну и, осторожно отодвинув занавеску, взглянула во двор. По просёлочной дороге бежала она. Немного косолапя, ведунья словно никуда не торопилась. Моя бабушка была своеобразных форм, и в свете луны на фоне песчаной дороги я впервые поняла почему. Её хрупкие щиколотки переходили в довольно широкие бёдра, живот и плечи; а руки при беге свисали тонкими кисточками, повинаясь любому колебанию тела. Если вы можете вообразить разницу между бабочкой и ночным мотыльком, то моя бабушка была плотным ночным мотыльком с тонкими крыльями изящной бабочки.

Эта картина быстро расслабила воспалённый страхом мозг, я набрала полные легкие воздуха и медленно выдохнула. С ловкостью помощника, что перелистывает пианисту ноты, я открыла бабушке дверь. Впустив её, я снова заперлась на ключ.

– И что это было? – мучаясь отдышкой, спросила она. – Ты хоть свет погаси для приличия!

Я сию же минуту выключила свет. Дедушка посмотрел на нас, замотал головой и, шоркая тапочками, удалился в спальню.

Высунувшись из-за шторы, я взглянула на освещённую луной просёлочную дорогу. Там было пусто и почти безветренно. Я пристально всмотрелась в даль дороги, затем осмотрела поле, которое всё ещё переливалось в свете луны. Я внимательно рассмотрела все освещённые места улицы и самые темные её уголки. Призрака нигде не было. Ничего не шевелилось, не собиралось в сгустки, не показывало свой страшный лик. Ничего не сообщало о визите утопленницы, кроме поля, что неизменно напоминало поверхность ночного озера.

Спустя всего полчаса мне думалось, что все, мною увиденное, никогда не было реально. С возрастом я все чаще сталкивалась с этим парадоксом и искренне удивлялась, как же всё-таки уникально устроен человеческий мозг. Он и только он в абсолютном контроле за то, что нам видится и слышится! Мы доверяем ему больше, чем другим органам. Но, если увиденное не нравится мозгу, если оно угрожает ему стрессом и ведёт к ненормальности восприятия реальности, то для него легче просто удалить все нелогичное, сославшись на воображение.

– Ты чего так испугалась? Вроде не из робкого десятка! – лишь часом позже заговорила со мной бабушка.

– Как из-за чего? Скажи ещё, что не видела этой жуткой женщины? А как она схватила меня? – я потёрла шею, обозначая то самое место, где мертвецкая рука меня коснулась.

Конечно, слово «схватила» было сильным преувеличением, но только оно могло выразить всю угрозу от призрака, которую я испытала на себе в ту ночь.

Бабушка смотрела не моргая. Она явно была в недоумении. Оказывается, она видела лишь еле различимый силуэт в размытом облаке. Никаких жутких подробностей моего видения и тем более никаких касаний. В очередной раз она была очень удивлена таким странным и весьма подробным описанием нашего ночного происшествия. Она ничего не объясняла. Пообещав мне, что призрак не войдет в дом и на все вопросы она даст ответ завтра, мы легли спать.

Наутро до нас дошли слухи, что собака Максима – того самого ловеласа, что бросил несчастную девушку, сбежала из дома. Её никто не мог найти. День я провела в саду, чувствуя вину за пропавшего пса. Мне не хотелось связывать это с тем, что я привела призрак утопленницы в деревню, но я никак не могла отделаться от этой мысли. Пару раз я выбегала за пределы двора и пыталась самостоятельно разыскать Шерифа, но его как след простыл. Так, в душевных метаниях прошёл день и незаметно подкрался вечер. С наступлением ночи мной снова овладел

страх. В каждом блике я видела белое облако, в каждом отражении – жуткое лицо призрака. Я долго не могла уснуть и много раз ходила проверять, заперта ли дверь на ключ.

Бабушка сидела на скамье у окна и в свете ночной лампы плела из шерстяных красных ниток какой-то узор. Я подошла к ней и, спустив подушку на пол, села у её ног. Мне совсем не нравилось, что в этой ситуации самым плохим персонажем становилась я сама, приведя призрак в деревню. Поэтому я решила поговорить о происшествии, убедив себя и бабушку в своей невинности.

– Почему душа этой девушки выглядит так устрашающе? – завела я разговор.

Это не было вопросом, на который мне нужно было обязательно получить ответ, но это было оправданием моих поспешных действий. После той ночи где-то в моём сознании поселилось твердое убеждение, что все призраки страшные. И только со временем я узнала, что это совсем не так.

– Душа, искривлённая предательством, так и выглядит, – не отрываясь от рукоделия, пояснила она. – У девушки нет больше её прекрасного тела, которое способно скрыть истинное состояние души, что исковеркана болью измены. Теперь она выглядит именно так, с какими чувствами покинула наш мир.

– Значит, она не была хорошим человеком, – почти утвердительно произнесла я.

– Хм, – хмыкнула она, – я никогда не учила тебя делить людей на плохих и хороших, – она подняла на меня строгий взгляд, – но мы способны сделать кого-то плохим, стараясь показать себя в лучшем свете. Стало быть, ты винишь себя?

Одним махом все карты были раскрыты, и мне только оставалось кивнуть.

– Я нарушила твои указания и привела призрак в деревню, который что-то сделал с бедным Шерифом, – как на духу призналась я.

– Не волнуйся, рано или поздно кто-то да привёл бы её сюда. А Шериф просто испугался, так же как и ты, – её голос смягчился. – Я уверена он жив и совершенно точно вскоре вернётся обратно. Меня больше волнует другое, – приподняла она бровь.

– Что? – тотчас воодушевилась я.

– Если призрак дотронулся до человека, то это значит... – Тут бабушка выдержала паузу, чтобы, видимо, нагнать на меня страху и приучить к послушанию. – Тогда это значит, что призрак наделил человека силой, – внезапно заключила она, оторвавшись от вязания. – И теперь тебе лишь достаточно получить знания, чтобы стать хорошей ведьмой. Однако какой путь ты выберешь, решать только тебе. Люди с силой, но без знаний часто выбирают ложный путь.

Благодаря этому разговору моя совесть очистилась, страхи отошли, а мысли немного улеглись. Но вместе с тем в голове появилось много вопросов. Уже лёжа в кровати, я повторяла слова бабушки про силу и даже пыталась как-то почувствовать её в себе. Видимо, в этих попытках аккумулировать сверхспособности я незаметно для себя уснула.

Только бабушка испекла утренние блины и мы сели завтракать, как в дверь постучали. Ведунья открыла, и я услышала встревоженный женский голос.

Глава 2

Наш дом был хорошо известен как дом ведуньи, и многие односельчане приходили сюда за бабушкиным советом; иногда за лечением, чаще – за помощью в решении жизненных и семейных проблем.

Гостья прошла к нам за стол, и дедушка налил ей ароматного чая с бергамотом. Это была Ольга – жена Максима. Того самого ловеласа, по вине которого утопилась несчастная.

Ольга была немного грузного телосложения, с короткими тёмными волосами и непонятного цвета глазами. Сейчас в свете окон они казались серыми, но когда она только зашла, я была уверена, что она обладательница карих глаз. Тараторя, она принялась рассказывать нам свою ночную историю, от которой у меня снова по коже забегали мурашки.

Сразу после полуночи она проснулась от каких-то звуков за окном. Повернув голову, Ольга обнаружила, что мужа рядом нет. Она встала и прошла по тускло освещённому дому.

– Он словно оловянный солдатик стоял там и смотрел в одну точку, – напряжённо вспоминала гостья, – а около дома всё быстрее и настырнее мелькало что-то белое. Оно маячило, появляясь то в одном окне, то в другом. От этого движения был слышен шелест кустов под нашими окнами и порой чье-то тихое постукивание в стекло. Муж стоял не моргая – так, словно увидел нечто, повергшее его в настоящий физический ступор. Я подбежала к окну и попыталась рассмотреть, кто там такой смелый бродит и пугает нас. Но это нельзя было назвать обычным словом «бродит». Существо перемещалось необыкновенно легко и быстро. Будто порхало. Шагов не было слышно, лишь изредка шуршание зелени. У меня на затылке зашевелились волосы, ибо создавалось четкое впечатление, что оно летает по воздуху, слегка касаясь земли. Я, как и Максим, окаменела от ужаса. Но мне, как человеку сильному, совсем не хотелось впускать в себя страх. Всеми силами я убедила себя, что кто-то просто зло шутит над нами. Наконец, устав от этой игры в прятки, я открыла окно и закричала: «Кто там бродит? Выходи уже, разберёмся!». Вдруг совершенно из ниоткуда некто невидимый жестоко схватил меня за волосы и вытянул из окна по самый пояс.

Ольга с трудом сглотнула, касаясь живота, и продолжила:

– Я пыталась освободиться от хватки, но все мои махи лишь проходили по воздуху, не встречая никаких препятствий. Внезапно прямо перед моими глазами из белого дыма возникло жуткое лицо. Вместо глаз две огромные дыры и третья, огромная, вместо рта. Я пыталась кричать, но из моего горла ничего не вырывалось. Ничего, кроме шипения. Не знаю, баб Валь, сколько это продолжалось, но вдруг всё стихло. Я упала на подоконник, а затем сползла от бессилия на пол. Меня трясло то ли от холода, то ли от приступа жара, но я совершенно не могла заставить своё тело слушаться и прекратить дрожать как осиновый лист. В надежде на помощь я повернулась к мужу, но того уже не было в комнате. Я собралась с силами и выползла в коридор, где стоял он. Невменяемый, точно зомби, прямо напротив входной двери. Я опять попыталась закричать, но снова не смогла. Шея, казалось, чем-то сдавлена – все звуки, которые я пыталась произвести, сходились лишь к змеиному шипению. Ничего, кроме этого хрипа, я не могла из себя извлечь. Муж совсем не двигался, а за дверью кто-то скрёбся и говорил моим собственным голосом: «Впусти меня,пусти меня...» Ох, баб Валь, – всплеснула руками Ольга, – до чего ж дико и неописуемо страшно – слышать свой голос за закрытой дверью. Я сама застыла в окаменении, таращась на дверь. Мысли смешались в бурю непонимания, мозг отказывался давать команды, а тело выполнять их. И вот я уже наблюдала, как супруг потянулся к замку, но не имела сил его остановить. Меня парализовало как телесно, словесно, так и мысленно. Что было потом стерлось из памяти. Помню только как я собралась с силами и напала на него. Обхватив его руки, я всем своим телом повалила своего высоченного Максимку на пол. Тут он стал вырываться. Да так бойко, словно дикарь какой-то. Ох, и так мы проборолась до

первого крика петуха. Затем всё стихло, а муж внезапно успокоился. Тело его обмякло, а лицо вмиг осунулось, приняв уставший и сонный вид. Приподняв его с пола, я оттащила Максима в спальню и уложила на кровать. Сама же не сомкнула глаз. Выпила чаю и вскоре снова смогла говорить. А как позволил утренний час, сразу пришла сюда. Сейчас он спит. Я ни о чём не успела его расспросить, да и не знаю помнит ли он что. Но если такое и сегодня повторится, даже не знаю, как пережить грядущую ночь, – сложив на коленях руки, закончила Ольга.

Её рассказ привёл меня саму в ступор. Я прекрасно понимала, о каких глазах, как чёрные дыры, шла речь, и не могла заставить себя есть завтрак. Словно ком застрял в моём горле, вдобавок бабушка то и дело искоса поглядывала на меня, добавляя тревог. Дед привык к таким посетителям, и рано удалился со своим завтраком и стопкой газет в сад. Он мало что знал о делах супруги, да и не надо ему было. «Сердце будет крепче», – всегда шутила ведунья.

Бабушка сделала несколько глотков чая и сказала:

– Да, Ольга, впускать призрак в дом, разумеется, нельзя. И скажу тебе честно, я крайне удивлена подобной силе и агрессии полтергейста. Я подумаю над всем, что ты рассказала... Заходи ко мне ещё раз вечером.

Ольга скупно улыбнулась и поторопилась домой. Как только за ней закрылась дверь, я повернулась к бабушке и спросила:

– Что мы будем с этим делать?

– Мы? Я смотрю ты уже в деле!

Я лишь потупила взор. Разумеется, мне захотелось исправить свои ошибки.

– Я собираюсь приготовить магический оберег, который необходимо будет поместить под порог с наружной стороны; то есть поднять доски и вложить внутрь на уровне дверного проёма – так, чтобы он охранял границу дома с улицей.

В три часа пополудни мы с бабушкой спустились в погреб. Наш погреб под полом в кухне был совершенно таинственным местом. Я всегда с большим воодушевлением спускалась туда и рассматривала, словно в музее, аккуратно разложенные, развешанные и расставленные среди заготовок и варений магические предметы. В эти часы в погреб попадали мягкие солнечные лучи, и когда тяжёлая дверь в полу открывалась, малиновое варенье начинало светиться изнутри насыщенным бордово-алым цветом. Банки со сливовым на просвет давали невероятно красивый и глубокий фиолетовый цвет. А между заготовками, что есть в каждом погребе каждого деревенского дома, висели перемотанные тонкой бечёвкой кустики с сухими травами. Пучки растений в зависимости от семейства и степени засухи обретали различные цвета и оттенки от припыленного голубого до тёмно-зелёного. Ряды черных углей и специального мела для написания магических символов, сушеные грибы и ягоды, самодельные свечи, венки из хвойных веток и пузырьки с настоями... Всё это буйство красок открывалось моему взору, только я попадала в это тайное место. Мне всегда было недостаточно времени на детальное его изучение, когда бабушка не позволяла находиться там без надобности.

Чуть поодаль от входа и дневного света находились полки с кристаллами. Их было очень много – разных размеров, цветов и назначений. Я знала, что некоторые из них даже измельчались в пыль и добавлялись в колдовское питьё. В другое время полки с ними сверкали и ослепляли миллионом ярких искр, но сейчас на них не попадал прямой луч солнца, и, укрывшись в полутени, они переливались таинственным блеском. Я не в первый раз застыла перед ними, ловя эти разноцветные переливы, но бабушка похлопала меня по плечу, давая понять, что надо подниматься обратно. Я ловко развернулась в тесной комнате и посмотрела на медную миску в её руках, полную тонких веточек и трав. Некоторые из них были неестественно длинными и напоминали обрывки лиан, о которых я знала по картинкам в атласе мира. Однако на бабушкиных лианах виднелись мелкие шипы и красные ягодки. Другие были тонкие словно нити, третьи – короткие прямые как хворост. Мы поднялись из погреба, и яркое солнце тут же

ослепило. Бабушка вручила мне свой начищенный медный тазик, а сама захлопнула тяжелую деревянную крышку.

Усевшись за стол, бабушка зажгла самодельную свечу и принялась что-то сооружать из веточек. Туго стягивая все прутья, она плела коричневато-зелёного человечка. Процесс полностью поглотил мое внимание – получалось у неё быстро и довольно искусно. Когда миниатюрный человек был готов, она вставила две красные ягоды ему вместо глаз и заговором приказала никого неживого не впускать в дом, никого живого не выпускать из дома, коль тот спешит навстречу смерти своей. Все заговоры она произносила на колдовском языке, который в то время был мне непонятен, но если я интересовалась смыслом того или иного заклинания, то мне всегда предоставлялся точный или приблизительный перевод.

Во второй половине дня Ольга явилась за оберегом и, с некоторым пренебрежением покрутив плетёного человечка в руках, сухо поблагодарила нас.

Просидев на веранде весь вечер, я не торопилась домой. Я прислушивалась и присматривалась, пытаюсь понять, покинул ли призрак деревню. Перед нашим домом открывался изумительный и так мною любимый вид: огромный луг с дикими травами и полевыми цветами, за которым красовался величественный хвойный лес. Этот пейзаж в любое время суток и года потрясал воображение. Порою успокаивал, порою настораживал, но неизменно оставался самым родным. В эту пору люпин и валерьяна лекарственная разрослись так, что значительно возвышались над другими травами, разбавляясь лишь изредка густыми островками еще более высоких диких колосьев. Вдруг я заметила, как синие свечки люпина в одном месте сильно раскачались. В этот вечер не было ветра, да и движение их стелилось витиеватой линией из стороны в сторону, словно от чьего-то прикосновения. Я привстала, с любопытством разглядывая поле. Мельком в насыщенной зелени вечерних трав появились знакомые серо-коричневые бархатные ушки Шерифа. Ликуя, я вскочила и понеслась к нему навстречу. Пёс, услышав мои радостные крики, тоже прибавил ходу, и мы встретились на дороге. Я была так рада его появлению, что мне показалось это знаком благополучной концовки истории с призраком, хотя на самом деле всё ещё только начиналось.

Прошло несколько дней. Наша гостья не приходила, и я всерьёз стала верить, что бабушке удалось прогнать заблудший дух. Но на третий день поздним вечером раздался стук в дверь. Не здороваясь в дом влетела растрепанная Ольга. На ладонях просматривались ссадины, волосы неопрятно вздыбились, а лицо казалось сильно измученным. Она гневно кинула плетёного человечка в ведунью, а вслед окатила бранью. Оберег отскочил от бабулиной груди и упал на пол.

– Погоди, присядь, объясни всё толком, – успокаивала её бабушка.

– В могилу меня решили свести?

– Да, с чего ты взяла, что я тебя в могилу решила свести? Сядь, дочка, сядь, расскажи всё!

Та отдышалась, наконец села и расплакалась. Закатав рукава широкой рубахи, она показала ужасные синяки и царапины на бледной коже. Отодвинув тёмные волосы по плечи, женщина открыла шею, усеянную жёлтыми и зелёными следами от чьих-то пальцев.

– С самой первой ночи, после того как плетённый человечек был подложен под пол, – на выдохе произнесла она, – муж, доходя до двери на чей-то зов, разворачивался ровно с места, где был положен оберег, и шёл обратно. Глаза его наливались кровью, а руки словно колющие ветки тянулись к моей шее и начинали душить. С криком первых петухов Максим ложился в кровать и засыпал. Наутро ничего не помнил, кроме странного зова за окном. Вечерами он начал налегать на спиртное, ночью все повторялось, а утром он снова ничего не помнил. На третий день, – снова тяжело вздохнула Ольга, – я не выдержала и вытащила из-под порога плетёного человечка. Но когда я открыла половицу, то не поверила своим глазам. Я отдернула руки, увидев оберег. Он был совсем другой и уже мало походил на то, что ты мне дала для охраны.

Бабушка нахмурила брови и посмотрела на пол – туда, где упал её оберег. Теперь его было совсем не узнать. Руки плетёного человечка были размотаны. Теперь они напоминали длинные, растопыренные в разные стороны щупальца, усеянные мелкими шипами. Его рябиновые глаза казались совсем обезумевшими, в них вплелись тонкие корешки, словно вены, и дали новые ростки. Я сделала шаг назад, сторонясь этого чудища, как вдруг его глаза шевельнулись и уставились прямо на меня. Это произошло так быстро, что уже через мгновение я просто отказалась признавать реальность происходящего. По сей день я не могу ответить себе на вопрос, действительно ли это существо посмотрело на меня тогда или его взгляд был всего лишь плодом детского воображения.

Глаза бабушки раскрылись от удивления. Потом она прищурилась и свернула губы в трубочку. Всем нам теперь плетённый человечек виделся иным – чем-то злобным, отнюдь не оберегающим. Казалось, он жаждет чьей-то крови с этим рябиновым взглядом и ужасающе длинными, растопыренными ветками-руками.

– Тебе, баб Валь, люди жизнь свою доверяют, а ты... – Ольга нравоучительно закачала головой.

– Тут что-то не так, – бабушка коснулась нахмуренного лба, – мне надо подумать...

– Ладно, чего там, оправдаться можно по-всякому, а кто мне здоровье вернёт и рассудок любимого мужа? – перебила Ольга.

– Мне надо подумать, что там у тебя произошло на самом деле. И покамест я не могу говорить пустого и придумывать небылицы, – строго произнесла бабушка, стараясь игнорировать давление недовольной клиентки, – а ночевать вам с мужем лучше вне дома сегодня.

Ольга подняла брови и напрягла губы. Она хотела еще что-то сказать, но вовремя опомнилась. Она вышла из дома, не произнеся больше ни слова, но из открытого окна донеслась уже знакомая уху брань.

Бабушка сидела с задумчивым лицом и глядела в пол; затем глубоко вздохнула и взяла плетёного человечка газетой, велев мне не выходить во двор и не смотреть в окно. Мне было ужасно любопытно, но и очень страшно, поэтому я не решилась послушаться.

Задрав ноги, я уселась на кровати в углу и стала изображать в большом альбоме для рисования плетёного человечка. Вскоре я услышала звук разгорающегося костра и тихий говор бабушки. Я отложила занятие и прислушалась. То, что происходило во дворе вызывало всё больший интерес. Бабушка, в свою очередь, затараторила громче. Слова были на колдовском, мне их было не разобрать. Вдруг раздался визг, самый настоящий визг! На секунду я подумала, что это она обожглась или оступилась, но сквозь череду визжаний я всё ещё могла слышать её невнятное бормотание. Мне стало не по себе. Колени стали ватными, а по спине пробежала ледяная волна ужаса. В какой-то момент все звуки стихли, из открытого окна донесся запах жжёных перьев – такой, словно дед только что опалил курицу. Потом смрад исчез вовсе, как и не было. В дом зашла бабушка, а вместе с ней горький аромат полыни.

– Это кто визжал? – с порога спросила я.

– Оберег визжал, – как-то подавленно ответила она.

Она не хотела говорить. Я это видела. В её глазах все еще было слишком много вопросов и мало ответов.

– Так он был живой? – отклонилась я, словно меня прибило к стене произнесёнными ею словами.

– Да, живой.

– Как это? – я все еще не моргала.

– А вот так! Он, конечно, не станцевал бы тебе лезгинку, – бабушка предусмотрительно закрыла оконную раму, – но заставить одного человека убить другого он вполне способен. Иди-ка лучше принеси мне кое-что из погреба.

Глава 3

Когда я вернулась со всем необходимым, бабушка уже разложила на столе белый платок, который совсем недавно вышивала. Приблизившись, я обнаружила перед собой самую настоящую пентаграмму. На выбеленном льне красными нитками была вышита пятиконечная звезда с магическими символами в центре каждого из лучей. Я немного оторопела, ведь этот знак всегда ассоциировался с нечистой силой и, по моим соображениям, на полных правах причислялся к чёрной магии. Бабушка заметила мой взгляд и расплылась в улыбке.

– Что-то не так? – поинтересовалась она.

– Разве это...

– Что это? — сощурилась она.

– Разве это не символ черной магии? — осмелела я.

– Магия не может быть чёрной или белой, магия она и есть магия. Вот мысли человека — это совсем другое дело. Именно наши мысли имеют определённый цвет и оттенок. Магия подобна умению разжигать костёр: в одних руках он способен согреть, а в других — сжечь дотла, — терпеливо пояснила она.

Разгладив руками платок, она продолжила:

– Приёмы же в магии примерно одинаковы, и перед тобой сейчас один из самых мощных колдовских символов. Когда-то давно этот знак нарочно приписали к чернокнижию, что было лишь попыткой запугать людей в надежде, что они забудут, как пользоваться этой невероятной силой. Впрочем, надежды оправдались.

– И что же этот символ значит?

– Пентаграмма пришла к нам от планеты Венеры с её мощной женской энергией, которая так схожа с энергией Матери Земли.

– От Венеры? — нахмурилась я, никак не улавливая взаимосвязи.

– Именно! Ведь пятиконечная звезда это ничто иное как траектория движения этой планеты на ночном небе. Тот путь который она проделывает ровно за восемь лет.

Я почувствовала как потяжелела моя челюсть. Набрав воздуха, чтобы продолжить расспросы, я вдруг была остановлена бабушкой. Она поднесла указательный палец к губам и уже в следующее мгновение взяла в руки кристаллы. Начинался ритуал.

Ведунья поставила камни на пиках каждого из лучей. В центр она поместила толстую свечу тёмно-зелёного цвета, которая была явно самодельной. В ней прорисовывались мелкие детали трав и даже цветов; её поверхность не была идеально ровной, а больше походила на кусок тёмного теста или глины. Я могла даже различить отпечатки пальцев того, кто её лепил. Любопытная свечой были остановлены треском травы, которую бабушка разожгла для ритуала. Пылающая бледно-голубая веточка приблизилась к свече, и всё зелёное туловище той будто бы ожило. Местами оно стало почти прозрачное, с увековеченными навсегда остатками полевого гербария, что вошли в отвар, из которого она была когда-то изготовлена. Бабушка дала свече разгореться и прочла заклинание, состоящее из трёх коротких слов. Я даже улыбнулась, ведь мне показалось, что она шутит, забавляя меня детским стишком, похожим на «абракадабру»... Ведунья же не думала отвлекаться. Она была на редкость серьёзной и сосредоточенной на своем деле. Она задула огонь на ветке, всё ещё держа её в руке. От травы стал исходить тонкой струей тёмный дымок. Ведунья поднесла полынь к одному из лучей пентаграммы — ветка по прежнему дымила. Затем ко второму лучу, к третьему, и вдруг на моих глазах тающая в воздухе струя устремилась не вверх, как положено по всем законам гравитации, а прямо вниз, прямо в центр одного из магических знаков.

Явление оказалось столь завораживающим и не поддающимся никакому объяснению, что мне на миг привиделось, будто в этом месте есть отверстие в дереве, через которое сквозняк

уносит дымок куда-то под стол. Я почти рефлекторно наклонилась и осмотрела столешницу. Отверстия, разумеется, не было, а когда я снова взглянула на поверхность стола, то наполовину чёрная ветка травы уже перестала дымить вовсе. Бабушка закончила ритуал, поблагодарив все атрибуты; я же поспешила продолжить расспросы.

– Скажи, что это все значит? – взмолилась я.

– Это значит, что моя магия встретила чужую, образовав нечто живое, – глубоко вздохнув, ответила она. – Мой магический посыл встретил в том доме другой магический посыл и породил жизнь в плетёном человеке. Эмоции же хозяйки дома определили перевес этой жизни в тёмную сторону.

Нашу клиентку не пришлось долго ждать. Она была человеком резким, порой конфликтным, и даже с родственниками у неё не получалось найти общий язык. Погостив у сестры всего один день, ей не терпелось поскорее вернуться в свой дом. Явившись, она с порога потребовала у бабушки разъяснений.

– Садись, – та пригласила Ольгу к круглому столу, услужливо отодвигая стул.

– Ой, давайте побыстрее, и только без этих ваших плетёных игрушек, – брезгливо поморщилась она.

– С ними или без, свою магию ты сама должна снять сама, и я тебе в этом помочь, увы, не могу, – разливая по кружкам чай, спокойно произнесла бабушка.

Ольга выпучила глаза. Не встретив ответной реакции, она захлопнула веки, взялась за переносицу и сделала глубокий вдох.

– Так, бабуля, давайте по факту, а не фантазийные версии тут выдвигать.

– Тогда у нас двоих с фантазией всё хорошо. Тебе с сахаром? – не поддавалась на провокации ведунья.

– Да что ж это творится?! Я к ней за помощью пришла, а она меня тут в чём-то обвиняет. Не можете решить проблему, не хватает силёнок и знаний, так не надо на других перекидывать. Мол, я приворожила, так теперь эдакая расплата ко мне пожаловала, – гневно выпалила женщина, вставая из-за стола.

Она резким движением отодвинула стул и направилась к выходу, когда, нажав на ручку двери, остановилась. В комнате повисло гробовое молчание. Она невольно озвучила своё признание здесь и сейчас. То, что тяготило её долгое время, не давало покоя и сна. Её страх, что бабушка докопается до правды был настолько велик, что она услышала слово «приворот» там, где его никто не произносил. Это более не могло оставаться внутри, оно вольно или невольно вырвалось наружу.

– И что будет, если не снять этот... Ну... – замялась она.

– Приворот? – наивно спросила бабушка.

– Угу, приворот, – не оборачиваясь произнесла она.

– Мужа твоего призрак, скорее всего, заберёт, но и тебе не советую отныне ночевать дома, – невозмутимо произнесла бабушка, отпивая маленькими глоточками свой горячий чай.

– Гос-по-ди-и-и-и-и, – раздражённо протянула женщина, поворачиваясь лицом, – так ты сними этот приворот, и всё! Делов то! И я пойду домой. Мы же образованные люди, а не дикари какие-нибудь. Или ты, Валентина, строишь святую и проучить меня решила?

– Я учу, Ольга, только свою внучку Киру. А не могу его снять, потому что он сделан на твоей крови, дорогая. Должен снять тот, кто делал, – даже не думая прерывать свою чайную церемонию, ответила ведунья.

– И что после этого будет? Он уйдёт? Уйдет от меня? Из дома?

Ольга все еще торговалась. Она привыкла к торгу, и сейчас для неё не было никакой разницы, что положено на чаши весов.

Тут бабушка посмотрела ей в глаза и произнесла так, что слова отчеканились в сознании:

– Я не знаю, что будет после этого! Но если не снимешь, то уйдёт он уже не из твоего дома, а из этого мира! Ты это своим «образованным» мозгом понимаешь?

Женщина скрестила на груди руки, подошла к окну и, более не поднимая на бабушку глаза, начала свой рассказ.

– Я влюбилась в него, понимаете вы? Он полностью подходил мне по всем параметрам. По гороскопу, по интеллекту, по темпераменту. Он казался тогда идеальной парой. Но видно же было, что парень совсем на ней помешался, на этой Насте, пусть земля ей пухом... Один раз на вечеринке я его напоила, а он даже в невменяемом состоянии не смог изменить ей. Вот я и решилась, подумав: «Ну, девка же она красивая – найдёт себе ещё кучу таких, как он, сильно переживать не будет». Вы же сами видели, какой она царицей ходила; поначалу-то совсем не подпускала его к себе, а, стало быть, и не заслужила Максимкиной любви. Такая гордая, королевна прямо... Никто же не думал, что руки на себя наложит, – отрывисто говорила Ольга. – Можно я закурю?

– Кури, – шмыгнула носом бабушка, – только в окно.

– Спасибо, – женщина зажала в зубах сигарету и чиркнула спичкой. – Я поехала к одной колдунье в город, – затянулась она, – мне её очень советовали. Она меня тогда спросила трижды, – Ольга посмотрела в окно и выпустила струю дыма. – Спросила, готова ли я принять последствия приворота. Ну, я же и понимала, что последствия приворота – это наша счастливая жизнь с Максимом. Никто ведь не хотел понимать под этими словами какие-то другие последствия...

Она стряхнула пепел за окно и, прищурив один глаз, снова сделала долгую затяжку.

– Ну, я и ответила трижды «да». Потом она пустила из моего пальца кровь длинной чёрной иглой, набрала шприцем и впрыснула в маленькую бутылочку с миниатюрной пробкой. Написала на листке слова и сказала мне их прочесть. Сама зажгла большую черную как уголь свечу и стала чего-то там шептать над ней. Театрально разводила руками вокруг пламени, «деньги свои отрабатывает» подумала я, ведь не дешево стоит такое. Потом дала мне знак, я закрыла глаза и произнесла тот заговор. После этого был сильный хлопок. Я открыла глаза, так и не поняв природу резкого звука, а только увидела, как свеча стала коптить чёрным дымом. Вот по сути-то и все, что было. Кровь мне было велено смешать с молоком и сделать выпечку. Накормить суженого, самой не есть. Я всё так и сделала, как раз через день был у него день рождения, и я испекла торт.

– Ох, еще и на день рождения... – тихо пробубнила бабушка, качая головой.

Ольга опять затянулась и, покосившись на бабушку, продолжила:

– Как он задул свечу и съел первый кусок, я опрокинула поднос будто случайно. Никто больше торт с приворотом не ел, а Максим в тот же вечер стал моим. Я осталась довольна таким быстрым результатом. Три дня и забыл её. Потом эта королевна стала ловить его на улице. Я переживала тогда, что он к ней вернётся. Однажды в окно смотрю – он идёт ко мне, а она подбежала, схватила за руку, и тянет и говорит ему что-то. Он развернулся к ней. Долго стояли они. Просто стояли и смотрели друг другу в глаза, не произнеся ни слова. Ох, и испугалась тогда я, что вернёт она его, а приворот прекратит действовать. Но потом он отпустил её руку и так же молча ушёл. Она ещё минут десять глядела в окна. Я, как сейчас сидела, курила и смотрела на неё. А потом... Потом мы узнали, что несчастной не стало. Ущемлено было её королевское самолюбие, что ко мне он пошёл, вот и утопилась... – Ольга замолчала, затушила бычок и выбросила за окно.

Мы слушали её не прерывая. Я то и дело смотрела на бабушку и все ждала, когда же она поставит эту мерзавку на место. Когда укажет на низость всех её слов и поступков. Но бабушка не произнесла ни слова. Она даже не взглянула Ольге вслед, когда та быстрым шагом выходила из нашего дома. Я попыталась заговорить, но бабушка хотела посидеть в тишине.

– Разве любовь не оправдывает все наши действия? – выждав достаточно долго, спросила я. Где-то когда-то услышав эту красивую фразу, я решила её применить по назначению.

– Когда тебе нравится цветок, ты его срываешь. Но когда ты любишь цветок, ты его каждый день поливаешь. Эта женщина не имеет в сердце любви, она не знает, что это такое, и к её действиям любовь не имеет никакого отношения, – печально произнесла она.

Шли недели, месяцы, но Ольга к нам больше не приходила. Деревня наша была небольшая, однако и на улице мы с бабушкой её не встречали. Пару раз видели её мужа, Максима, который стал жить в доме своих родителей, и меня разбирало обычное человеческое любопытство по поводу их отношений и чередой возможных событий. Моя бабушка никогда не любила сплетен, и подруг, приносящих на хвосте последние сельские новости деревни, у неё не было; поэтому долгое время мы оставались в полном неведении.

Бабушка учила меня, что бывают травы вечерние, ночные и утренние. Одна и та же трава, собранная в разное время суток, может обладать различными свойствами. Та, что собрана вечером, никогда не будет использоваться в рецептах для лечения простуды и различного рода недостатка энергий в теле. Но она незаменима в успокоительном чае и настоях от ночных кошмаров. Утренняя трава, собранная в том же месте, что и вечерняя, напротив – могла лечить от усталости и острой ангины. Возможно, вам покажется, что такие тонкости, как время суток, совершенно незначительны в приготовлении зелья, однако в магии положение солнца и луны на небосводе имеет чуть ли не решающее значение. В одни часы определённые духи природы бодрствуют, в другие – спят, и не могут дать траве нужной силы.

Стояло ранее утро. Мы возвращались со сбора ночных трав. В этот раз наш путь лежал на север, поэтому по возвращении нам необходимо было пройти через всю деревню. Этой ночью было довольно холодно, и я хотела быстрее попасть домой, чтобы забраться под своё пуховое одеяло. Мы пересекали совершенно пустую деревню. Было около половины четвертого, когда ещё даже самый бодрый петух сладко спал. Деревня выглядела пустой, без единого проблеска света, без движения и звуков. Холодный воздух проглатывал все запахи, и я внезапно ощутила себя в каком-то мёртвом месте. Словно время остановилось, словно это был не наш мир, а такой же, но чужой, враждебный. Это была редкая ночь без ветра, и никакое шевеление не могло выдать реалистичность картинки. Все застыло. Мы словно шагали по страницам иллюстрированной книжки детских страшилок, где талантливый художник нарисовал лишь чёрные силуэты домов и деревьев на фоне светящегося неба.

У меня был сложный период. С одной стороны, мне хотелось в полной мере познавать тайные магические учения, с другой – в моей голове роились вопросы. Словно стая неугомонных пчёл, они прилетали и мучили меня. Иногда я получала ответы, которые чаще всего порождали ещё большее количество неугомонных пчёл.

– Почему травяные настои с заговором помогают человеку выздороветь? Мы идём в лес ночью, собираем травы, разговариваем с каждым кустиком, в надежде на его прощение за то, что мы срываем его, молим о помощи в дальнейшем. Потом сушим эти травы, храним, делаем настои, читаем заговоры. Неужели не легче просто купить лекарства в аптеке? – прервав тишину, заговорила я.

– Нет, – сухо ответила бабушка.

– Но почему? – воскликнула я.

– Потому что мы забыли, как лечить своё тело, – спокойно пояснила она.

«Ну вот, это произошло снова, – подумала я. – Опять она ответила так, что у меня возникло ещё больше вопросов, чем было в самом начале».

– А как мы лечили своё тело раньше? – немного раздражилась я.

– Всё в этом мире вибрирует. Если настроить себя на здоровые вибрации, то тело не будет болеть. Раньше человек знал, как себя вылечить. Он знал, как звучит его идеальная мелодия, здоровая и гармоничная. Общение с природой помогало ему услышать песню своего тела. Он

понимал, где тело фальшивит, и перенастраивал себя, словно музыкальный инструмент. Жаль, что люди перестали испытывать благоговение и трепет перед возможностями Матери Земли, потому что без её помощи себя просто невозможно услышать и невозможно понять.

– Но как же настой может изменить мелодию тела? – в ожидании замыкания логической цепочки, спросила я.

– Настой может вибрировать точно так же, как и человеческое тело. Маг готовит зелье здоровой вибрации и даёт его больному человеку. Если человек принимает эти вибрации, то и его тело начинает звучать по-другому, и в итоге становится здоровым.

– Принимает вибрации... То есть принимает настой? Ты так хотела сказать?

– Можно пить литрами настои и не излечиться, если человек не дал команду своему телу принять целительные вибрации. Принять вибрации – в первую очередь значит поверить в их действие и позволить своему телу услышать их.

Я многое не понимала тогда, и слишком многое на тот момент тяготило своей неясностью. Бабушка всегда старалась ответить на все мои бесконечные вопросы, но я не всегда могла осознать её ответы. Многие так и оставались для меня словами без смысла с застарелым налётом деревенской мистики.

Мы свернули с широкой дороги, и перед нами предстала длинная улица с одноэтажными чёрными домами, в которых иногда проблёскивали такие же чёрные окна. Лишь одно из них в правом ряду было тускло-жёлтым. В этом доме кто-то не спал. Проходя мимо него, бабушка замедлила ход, будто прислушиваясь к звукам, которые могли донестись оттуда; но там было довольно тихо – ни голосов, ни шагов. Вдруг бабушка остановилась, на секунду задумалась и повернула обратно.

– Пойдём спросим, как идут дела, – сказала она мне, но вроде бы и себе тоже.

Я последовала за ней, когда она тихо постучала в окно.

Клетчатая кухонная шторка быстро отодвинулась, и на нас взглянула круглолицая женщина. Бабушка жестом спросила: «Как ты?» Женщина, завязывая халат под грудью и махнула головой: «Заходи через веранду». Дверь открылась, из дома повеяло теплом. Я ликovala и быстро проскользнула в коридор. Совсем не сразу я узнала нашу клиентку. Она изменилась не только лицом; я неприлично долго рассматривала её огромный живот, который выдавал последние месяцы беременности.

А ещё Ольгу было трудно узнать без угрюмого и надменного взгляда. Нас угощала чаем доброжелательная, спокойная женщина, в глазах которой угадывались смирение и доброта. Исчезло это давящее выражение надзирателя и судьи. Сейчас она виделась мне умиротворённой, и, кажется, даже стыдилась посмотреть лишний раз бабушке в глаза.

– Ты сняла приворот?

Глава 4

– Да, сняла, баб Валя. Сейчас вспоминаю всё, как в тумане. Будто не я вовсе была, когда это делала, как наваждение какое-то. Вернуть бы время вспять, да что там уже говорить... – На её глазах проступили слёзы. – Гормоны у меня бушуют – буду плакать много, не обращайтесь внимания.

– Слезы чистят душу, вымывая из неё всё нехорошее своим потоком. Плакать полезно, вся грязь уходит, – сказала бабушка, погладив пухлую руку Ольги.

– Я весь день тогда думала о том, что сама рассказала вам. Однако смелости снять приворот не хватило. Тем вечером Максим пришёл домой очень пьяный и залепил мне с порога пощечину. Я пыталась укрыться от побоев, но он настигал меня снова и снова. Я закрылась в ванной, через мгновение услышав, как захлопнулась входная дверь. Умываясь слезами, я боялась, что он вернётся до рассвета и просто убьёт меня. Я продолжила сидеть в ванной, как примерно час спустя, он вернулся. Услышав это, я приблизилась к двери и прислушалась. Было тихо, как вдруг что-то надо мной гроыхнуло, а на голову посыпались щепки. Я упала на пол и подняла взор – в двери торчал топор. В ужасе я отползла к ванной и принялась кричать. Не знаю, слышал ли кто тот короткий звук, что мне удалось произвести на свет, но уже через секунду горло запершило, и мой голос, ровно как в ту первую ночь, пропал.

Ольга коснулась шеи и, помолчав, продолжила:

– Он все рубил и рубил... И что было, если бы он её прорубил, один Бог знает. Но на пятом разе он остановился. «Одумался», воодушевилась я, когда услышала бег босых ног по коридору. Голые подошвы шлепали по воде, а потом... – женщина закрыла лицо руками, словно не верила сама себе.

– Что? – не моргая тихо произнесла бабушка.

– А потом я услышала её смех. Такой задорный. Такой ясный. Я чуть не свихнулась тогда, баб Валя. Он пошел за ней. А я всё сидела, тело моё холодело от ужаса. Не шевелясь я просидела так до утра, пока в прорубленные расселины не пробился дневной свет. Только тогда я решилась выйти. Я отщелкнула засов и выглянула в коридор. В доме никого не было, но когда я взглянула на пол, у меня помутнел рассудок. Все доски были усеяны следами босых ног, выпачканных в грязи и болотной тине. Это не были следы Максима, нет. Тонкие женские ноги, это могли быть только Настины отпечатки. Ноги покойницы прошлись по моему дому. Не находя подобному вменяемого объяснения, я быстро проскочила в другую комнату. Но от увиденного закружилась голова и потемнело в глазах. Предо мной предстала необъяснимая картина, что по сей день является в кошмарах: стены дома, дверные косяки, шторы и потолок были усыпаны отпечатками женских рук. Кое-где по ним можно было предположить, что ночная гостья цеплялась за шторы, застывала, словно ящерица, под потолком, а затем, невиданной силой прибитая к нему, она ползала на коленях, оставляя за собой жуткие следы от грязной ночной рубашки. Сказать, что мне стало страшно – не сказать ничего!

– Да... Ну, и дела... – протянула ведунья. – А Максим что?

– Разумеется, меня мучил вопрос, где и с кем он. В каком он состоянии и на что способен. Но хочу признаться, что спасение собственной жизни беспокоило меня тогда намного больше. Пожалуй, я впервые поняла, что не имею настоящих чувств к своему супругу. Я не могла продолжать любить его алкоголиком и сумасшедшим. Более того, в тот день меня совсем не беспокоила его судьба. Я решила, что если он не может оставаться прежним, – она замолчала, разглядывая скатерть, – то нам с ним не по пути.

Ольга провела растопыренной ладонью по столу, сметая в край небольшие хлебные крошки так, будто пыталась очистить свою собственную жизнь от ошибок прошлого.

– Я быстро собралась и отправилась в город снимать приворот, – не дождавшись от бабушки реакции, продолжила она. – Сделавшая этот чёртов приворот колдунья весьма удивилась моей просьбе, сказав, что её рецепты очень качественные, работают долго и верно. Мне не хотелось рассказывать всех подробностей ночи, и я быстро перевела тему, сказав, что просто осталась недовольна браком. Она назначила тройную цену, а когда я согласилась, странно улыбнулась. Ведьма вытащила из старинной лакированной мебели какие-то листки бумаги и снова посмотрела мне в глаза, словно желая убедиться в моём решении. Эти неровные листки были обожжённые огнём со всех сторон, а посреди их виднелись растекшиеся тёмные капли. По всей видимости, это были капли крови. Она написала на одном из таких листков моё имя и какие-то знаки под ним. В следующее мгновение я снова увидела, как в её руке сверкнула огромная игла. Она сделала жест, прося протянуть ей указательный палец. Немного замешкавшись, я все же сделала то, о чем она просит. Не моргнув глазом, она вонзила в него почерневшую иглу. Кровь быстро закапала в хрустальную вазочку, а я лишь боялась, чтобы она мне заразу какую не занесла, ну и чтобы не напрасно все это было. Затем она дала мне ручку из вороньего пера и сказала исписать весь лист сделанной ей надписью, используя вместо чернил свою собственную кровь. Когда последний знак был написан, следившая за правильностью каждой написанной буквы колдунья вырвала у меня этот лист и придала огню, что-то невнятно бормоча. Лист догорел дотла, и дело было сделано. Мы не прощались. Я отдала ей деньги и вышла за дверь.

Всю дорогу домой я думала о Максиме. Где искать его, жив он или мёртв. Я ни с кем не говорила, не искала его. Я прибралась в доме, оттерла всю грязь со стен и с потолка. Наступил вечер, а его всё не было. Где-то глубоко внутри я была уверена, что Настя забрала его. По правде говоря, я не ждала его, а ждала вестей о нем... Ровно в полночь раздался стук в дверь, и я поняла, что сейчас узнаю правду. Внутри всё сжалось. Я подошла к двери и открыла её. За ней было пусто – тишина, темнота, больше никого и ничего. Ворвавшийся на мгновение лёгкий ветерок дунул мне прямо в лицо. Я закрыла глаза. Мне показалось, что это он пришел мне сказать последнее «прощай». Вдруг мной овладела невыносимая тревога, такая сильная тоска и беспощадное чувство вины. Весь страх куда-то испарился, все мои мысли были только о том, где мой любимый, что с ним, где его искать.

Посреди ночи я вышла из дома, даже не понимая, одета ли я по погоде. Я не ощущала более ни холода, ни страха. Единственной моей мыслью было найти Максима. Вернуть живым, пусть ценой своей жизни. Эти чувства окутали диким вихрем, буквально раздирая на части. Я не могла больше думать ни о ком, как только о нем. Мысль, что больше не увижу его глаз, не обниму его плеч, колола сердце как тысячи иголок. Вскоре я обнаружила себя бежавшей по просёлочной дороге и сама не заметила, как очутилась на пороге дома свёкра и свекрови. Свет там всё ещё горел, и я заколотила в дверь. Если мой любимый человек не там, то нельзя медлить ни секунды, необходимо брать подмогу и бежать в лес на его поиски.

Наконец, мне открыли. Мать Максима смотрела хмурым взглядом, приложив к сердцу руку. Он был там, в доме родителей. Она пыталась остановить меня, но я отпихнула её и ворвалась в дом. В зале сидел свёкор, он было приподнялся с дивана, чтобы выгнать меня, но я открыла следующую комнату. Там, в свете ночной лампы лежал он. Больной и уставший от наступившего его безумия. У изголовья стояли лекарства и большая икона. «Уходи, дьявольское отродье!» – зашептала за спиной свекровь, но я не обращала внимания. Я подскочила к мужу, обняла его и вдохнула всей грудью запах его тела. Это был не просто запах человека – это был живительный бальзам для меня в ту ночь, пьянящий дурман, другая, особая магия. Я абсолютно точно осознавала, что нахожусь во власти невероятно сильных чувств, настоящей любви, которую никогда и ни к кому в своей жизни не испытывала. Мельком в этом приглушённом свете я смогла заметить, как мои волосы удлинились и обрели светлый оттенок, а пальцы утончились и поменяли форму ногтей. Однако это было странно... Странно естественно. У меня

не было ни малейшего желания рассматривать себя, изучать природу перемен. Я целовала его руки. Я никогда этого не делала прежде. Её дух завладел мной – я поняла это той ночью. Максим проснулся, но всё ещё был слаб. Он смотрел на меня не отрывая глаз, как никогда прежде. В первый раз за год совместной жизни он так нежно гладил мои волосы и лицо, неистово сжимая меня в своих объятиях. Я слышала, как он плакал в мое плечо и как называл меня Настей! Всё было словно в бреду. Опьянённые чувствами, мы провели вдвоём всю ночь. И только той ночью я любила его так, как не любила никого и никогда. Именно тогда для меня более не существовал воздух, если он не был наполнен запахом любимого человека.

Я проснулась дома и не помнила, как добралась до своей кровати. Вскочив с постели, я обсмотрела свои руки и волосы, которые были прежними. Вспоминая подробности ночи, я вбежала в ванную и пристально взгляделась в свое отражение, но всё было прежним, ровно, как и мои чувства к Максиму. Однако, во мне всё же что-то изменилось. Душу наполнило разьедающее чувство вины, которое теперь казалось гораздо сильнее всех известных мне чувств. Оно физически скрутило живот, меня затошнило, и я опустилась на колени. Меня вывернуло в то утро наизнанку, так низко я себя ощущала от содеянного зла. Что говорить, это чувство продолжает пожирать меня изнутри. Более того, я не могу теперь спать по ночам. Мне каждый раз снятся сны о том, как сильно я люблю своего мужа, но любовь эта не окрыляет. Напротив – она мучительными кинжалами вонзается в моё сердце и заставляет его кровоточить. Меня посещают такие мысли и такие чувства, которых я прежде никогда не испытывала. Они наполняют всю меня, словно воздух, а затем я каким-то образом оказываюсь в чёрной воде и тону. Задыхаясь, я чувствую, как на смену воздуху приходит холодная вода. Болотная тина застревает в моём горле, лёгкие становятся тяжелее камня и тянут всё ниже и ниже. Я вижу яркие звёзды, отдаляющиеся под толщей воды. Потом зеленая муть и темнота, когда моя спина ударяется о дно того самого озера. На этом моменте я каждый раз просыпаюсь в холодном поту. Кровать обычно мокрая, а кроме душевной боли, я испытываю ещё и физическую. Болит моё изодранное горло и грудь, будто и вправду меня наполнили водой и смердящей болотной тиной. Мне остаётся лишь сидеть ночами вот здесь, на кухне, и молить Бога о своём прощении, – закончила Ольга.

Весь день я думала об этом рассказе. Мне было очень больно понимать, что люди могут разрушить самые великие чувства из-за своих эгоистичных желаний. Раз за разом я прокручивала в голове сюжеты различных вариантов событий и, наконец, решилась озвучить их бабушке.

– Почему Настя не пришла к тебе, увидев, что её любимый вдруг сильно изменился? Ты бы смогла рассказать ей про чёрную магию и про то, что чувства её избранника не изменились. Тогда она бы осталась жива.

– Видишь ли, не всё так просто, – вздохнула бабушка. – Девушка была в горе ущемлённой гордыни, и не видела других путей. Любовь к самой себе ослепила её. Магия подобна природному магниту – она ищет отклик в душе, к которой могла бы прикрепиться. И этот чёрный приворот на крови нашёл отклик в душах обеих женщин, а значит и утопил двоих.

– Бабушка, я не понимаю, – расстроено пробубнила я.

Мне действительно очень хотелось понять, по каким законам работает магия, но я никак не могла взять в толк, о каком природном магните идёт речь.

– К примеру, если бы в девушке было меньше любви к самой себе, так называемого эго, и больше любви к своему избраннику, она бы приняла его выбор. Она бы доверилась судьбе и была бы спокойна, что её любимый человек счастлив; пусть не с ней, пусть с другой. При таком посыле магия бы не смогла питаться негативом, а значит, не смогла бы жить. Спустя некоторое чёрное колдовство само бы отвалилось, подобно тому как сухой кусок грязи отваливается от подошвы, если долгое время на улице нет дождя.

Стоял солнечный день, и, пройдя всего пару улиц, мы уже были у дома Ольги. Из открытого окна доносились радостные восклицания. Выкрашенная в зелёный цвет дверь заворочилась – в свете солнца на миг она показалась яркой водной гладью озера. Нам открыли улыбочивые односельчанки и проводили в большую комнату. Там в своей деревянной кровати лежала новорождённая. Младенца окружали счастливые родители, прародители и говорливые соседи. В пестром лоскутном одеяле виднелся розовый комочек. Бабушка пробралась к малышке и принялась непривычно для моих ушей сюсюкать. Я еле удержалась от смеха и поспешила за ней. Малышка спала, её светлый пушок волос прорывался сквозь маленький чепчик. Я посмотрела по сторонам и увидела, как отец ребёнка застыл, глядя на малышку сквозь толпу через всю комнату. Его кто-то окликнул. Он будто вышел из транса и, сделав жест, что услышал сказанное, направился к ребёнку. Максим наклонился и, не отрывая глаз, смотрел на дочку. Я никогда в жизни не видела такого взгляда, пропитанного безусловной любовью.

Время шло, и все вокруг замечали, что девочка растёт Настина копия. Не только внешность выдавали в ней первую любовь отца, но и повадки, голос – абсолютно всё принадлежало погибшей. Ольга очень любила свою дочь Надежду, но и более всех других видела в ней бывшую соперницу. Со временем на лице женщины глубоко отпечатались грусть и немой укор самой себе. Она принимала с большим терпением все капризы и претензии дочери, так же как и их безграничную любовь с Максимом. Такую же бескрайнюю и всепоглощающую, но только уже не возлюбленных, а любовь отца и дочери.

– Смерть – это не наказание, – говорила бабушка, – и уж точно не наказание умершему. Жизнь с каждодневным напоминанием о содеянном зле в глазах собственного ребёнка – вот, что есть настоящая кара...

Бес из леса

Глава 1

Я росла очень весёлым и общительным ребёнком. У меня было довольно много друзей как среди детей, так и взрослых. Конечно же, не обходилось без исключений, когда люди не одобряли сферу интересов моей бабушки и запрещали своим чадам со мной дружить. Было время, когда меня это сильно беспокоило, и я пыталась доказать, что не имею к деятельности своего ведьминского рода никакого отношения.

– Почему для тебя это так важно? – однажды поинтересовалась бабушка.

– Что важно? – не сразу сообразила я.

– Завоевать расположение этих людей. Ты видишь пользу от общения с ними?

– Да, конечно. Польза в том, что они перестанут думать обо мне плохо, – простодушно ответила я.

– Ты действительно считаешь, что люди, склонные думать о других плохо, могут начать думать иначе только потому, что ты оправдаешь их ожидания?

Я задумалась над этим непростым вопросом и вскоре ответила:

– Я думаю, если они будут считать меня такой же, как они, то перестанут осуждать.

– А ты осуждаешь их за то, что они не такие, как ты?

Эти вопросы начинали заводить в ловушку, и я уже видела, как её дверь захлопывается за мной.

– Нет, я не осуждаю их, – не понимая, какой из этого всего следует вывод, продолжала я отвечать на череду бабушкиных вопросов.

– Так вот, люди делятся на два типа: те, кто осуждают других и те, кто осуждают себя. Независимо от обстоятельств, ни одни, ни другие не поменяют предмет своего осуждения. И что бы ты ни делала, ты не перестанешь осуждать саму себя, случись что-то не так; тогда как люди, привыкшие осуждать других, не перестанут видеть источник всех бед в ком-то другом, кроме самих себя.

Этот разговор подтолкнул меня тогда к выбору своего пути. Я поняла, что мнение людей может быть сформировано их собственными ошибками, к которым лично я не имею никакого отношения. Такой взгляд на вещи очень помог мне в будущем и развернул меня от дороги «угождать всем» к своей собственной дороге.

Стояла весна, и в этом году она имела особо капризное настроение. День мог начаться тёплым утром, перейти в знойную жару и пролиться ненастным дождём в предвечернее время. Чем жарче стояли дни, тем чернее казались налетающие из ниоткуда тяжёлые тучи, что неистово громыхали и сверкали молниями.

В один из таких дней я зашла в гости к своей подружке. Она жила на другом конце деревни, и, только заметив серые тучи над полем, мы рванули домой, в спешке доплетая венки из одуванчиков. Маринина мама была милейшей женщиной и очень вкусно готовила. Моя же мама в то время работала и жила в городе. Она не могла быть со мной в летнее время, поэтому все школьные каникулы я проводила у своей бабули в деревне. Я немного завидовала Марине, а точнее тому, что она живёт с мамой и папой. Ей несказанно повезло, на мой взгляд, ведь её дедушка и бабушка тоже жили неподалёку. Она же завидовала тому, что я учусь в городской школе и у меня много интересных друзей из большого и шумного города. Она часто просила меня пересказывать их истории о том, как они летали на самолётах и ездили на поездах со своими родителями летом на море. Уверена, это были очень увлекательные истории, в которые я порой добавляла щепотку фантазии для остроты сюжета, однако для меня никакие приключения не могли сравниться с теплом родительского присутствия.

Уплетая один за другим только что испечённые пирожки с клубникой, мы увидели, как за окном резко потемнело. Как вмиг поднялся ветер, раздались мощные раскаты грома, а через минуту хлынул ливень. Нам было весело, вкусно и тепло в защищённом от ненастья доме. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату тяжёлыми шагами зашёл отец семейства. Отряхивая с себя капли дождя, он приветливо поздоровался и кинул на диван большие кедровые шишки, полные орехов. Раздеваясь, отец Марины рассказал, что срубили двухсотлетний кедр, и у бригады поломалось три пилы.

– А как только дорубили, тут же началась гроза. Пришлось бежать домой, – звучно шмыгая носом, закончил он.

Тётя Женя помогла ему снять куртку, и внезапно на его плече боковым зрением я заметила что-то подвижное и тёмное. На секунду мне показалось, что это дымчатый котёнок, и в груди пронеслось радостное возбуждение. Я уже представляла, как мы будем играть с ним, и, развернувшись, пристально уставилась на плечи и руки дяди Вани, но там никого не оказалось. Я снова отвела взгляд на стену, и снова моё боковое видение словило, как что-то маленькое и тёмное бродит по его широким плечам. Эта погоня за неуловимым живым дымком полностью захватила меня. Я пыталась сконцентрироваться и медленно переводила взгляд от стены всё ближе и ближе к плечам мужчины, чтобы в один момент суметь рассмотреть этого серого прыгуна. Но он как-то уж очень ловко и проворно ускользал от внимания.

Отец подружки помыл руки и сел к нам за стол. Мать принесла ему чай и пирожки на тарелке. Сейчас, когда он сидел так близко, я могла видеть лучше уголок своего правого глаза. Смотря на свой чай в упор, я сконцентрировалась на боковом зрении и снова увидела, как комочек бродит от одного плеча к другому. Он немного колебался, то есть был яснее виден на несколько секунд, а потом становился прозрачнее на это же малое время. Исчезая в одном месте, он появлялся в другом, сдвинувшись на небольшое расстояние. Вдруг он совсем исчез. В этот самый момент мужчина уставился на крестик наклонившейся над ним жены, который повис прямо перед его носом. Когда женщина отошла от стола, я вдруг увидела, как комочек вылез из уха дяди Вани и снова стал перемещаться, будто мигая и смешиваясь с воздухом. Я не могла ни есть, ни пить. Настолько меня заворожило это полупрозрачное существо, что я просто пялилась на него уголок своего правого глаза, если такой зрительный приём можно вообще описать словом «пялиться». Вдруг оно замерло и будто тоже стало смотреть на меня. У существа абсолютно точно не было глаз, но я могла всем своим существом чувствовать тяжесть его взгляда. Оно, перебирая лапками, которые слабо вырисовывались из силуэта, зашагало в мою сторону. Вдруг комочек, кажется, чуть поразмыслив, метнулся снова в ухо мужчины, который в тот же момент резко повернулся и выпалил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.